

К. Варга-Харрис

Хрущевка, коммуналка: социализм и повседневность во время «оттепели»

В 1957 г. Никита Хрущев объявил о начале масштабной строительной кампании, целью которой было обеспечение каждой советской семьи отдельной квартирой. Самым очевидным стимулом этого начинания стала необходимость положить конец длительному жилищному кризису, обострившемуся во время и непосредственно после Второй мировой войны. Кроме того, переезд в отдельную квартиру должен был изменить и значительно улучшить быт советского человека. Однако то огромное внимание, которое было уделено решению данного вопроса, означало намного больше, чем просто альтруистский жест правительства. На основе анализа газетных и журнальных статей, пропагандистских брошюр и жалобных писем и просьб об улучшении жилищных условий хотелось бы выдвинуть в статье следующий тезис: обоюдная озабоченность государства и его граждан жилищным вопросом создавала почву, на которой и государство, и народ старались определить в изменившейся пост-сталинской культуре свои новые отношения и построить «нормальное» социалистическое общество на существенно новой основе¹.

Жилищная политика хрущевского периода проистекала из пост-революционной практики, в основе которой было государственное обеспечение жилой площадью, начавшееся с национализации и перераспределения жилья сразу после захвата власти большевиками². Соответственно, и в дискуссиях, сопровождавших хрущевскую строительную инициативу, предлагалось, как минимум, возродить революционную задачу обеспечения достойной жизни пролетариату. Как известно, эта инициатива была прервана сталинской политикой развития тяжелой промышленности и одновременной подготовкой к войне. Во времена Хрущева проектирование, строительство и распределение жилья стало олицетворять политику «заботы о человеке». Таким образом, в этом новом начинании возрождались обещания Октября.

**Кристина
Варга-Харрис**,
Ph. D. истории,
университет штата
Иллинойс (США).
cvargah@ilstu.edu

Анализ архивных документов показывает, что простые граждане, безусловно, приветствовали возможность переезда в современные отдельные квартиры. Однако неумещающее число ожидающих переезда свидетельствует о том, что и в период «оттепели» действительные условия проживания больше соответствовали предвоенному состоянию жилищных условий: предложение просто никак не успевало за спросом! Особого внимания заслуживает тот факт, что на данном этапе социалистического строительства само описание «нормальной жизни» и у простых граждан, и у государства совпало до мелочей. В настойчивом стремлении получить отдельную квартиру граждане апеллировали именно к революционным идеалам, и полностью адаптировали для собственных нужд официальный язык и идеи. Тем не менее, именно в постоянных жалобах на плохие условия жилья, в сравнениях нынешней ситуации с тягостными военными условиями полностью раскрывается истинная картина. Именно эти частные документы демонстрируют разночтения между заверениями государства о том, что хрущевская строительная политика есть шаг к коммунизму, и истинным положением на жилищном фронте.

Популярный в «оттепелый» период лозунг «Каждой семье — отдельную квартиру!» связал воедино обещание улучшения условий быта революционного времени и стремительный строительный бум при Хрущеве, сделав эти два явления частью официальной правительственной риторики. В августе 1957 г., в День строителя, в «Вечернем Ленинграде» на первой полосе появилась статья о том, что этот праздник должен ассоциироваться не только с рабочими-строителями, но и более широко, с самим постановлением о жилищном строительстве, а также с грядущей годовщиной 40-летия «Великого Октября». Подчеркивая серьезность задачи, поставленной перед строителями, корреспондент заявил: «Социалистическое соревнование как никогда ярко должно разгореться в нашем строительстве»³.

Такое широкое обсуждение вопросов строительства говорит о том, что выполнение задачи по обеспечению жильем воспринималось не только буквально, но и метафорически, как демонстрация успеха именно в революционном преобразовании общества. Обладание отдельной квартирой демонстрировало в первую очередь контраст между жизнью до революции, когда пролетариат жил в трущобах, и после, когда каждый рабочий получил возможность жить по-человечески, в чистом, светлом жилом доме. Переезд в комфортное, достойное, а главное, эгалитарное жилье позволял «потрогать руками» самое главное обещание нового общества — коммунистическую утопию.

А что же делали те, кому еще только предстояло порадоваться новоселью? Ленинградцы в старых домах никак не могли уяснить для себя, почему же именно они остались в стороне от этой массовой строительной инициативы, и никакие газетные лозунги или обилие строительного оборудования на улицах города не могли смягчить их общее состояние разочарования. Так, картина, восстанавливаемая по многочисленным письмам жителей Ленинграда, явно противоречила официальным оценкам прогресса в сфере жилищного строительства: акцент пе-

ремещался с успехов жилищного строительства хрущевского времени на его недостатки. Если дореволюционное прошлое воспринималось как негативное, то «оттепельное» настоящее выглядело ничуть не более привлекательным.

Типичной была участь жителей дома № 100 по Боровой улице. Обращаясь к властям с «горячей» просьбой об улучшении их жилищных условий в марте 1958 г., жители напоминали, что их дом официально был объявлен «домом под угрозой» еще перед Второй мировой войной. Уже тогда их квартиры не отвечали даже самым основным требованиям гигиены и не были предназначены «для защиты здоровья жильцов, воспитания детей, нормального сна и отдыха». С 1931 г. в здании не проводилось ни капитального, ни косметического ремонта. После войны в связи с нехваткой жилья в этот дом, фундамент и стены которого выдержали бомбежки, были подселены новые жильцы, что еще более ухудшило условия проживания⁴.

Представленное в этом письме требование было простым: в здании необходимо немедленно провести капитальный ремонт. Однако к концу 1959 г. просители все еще ожидали, когда их квартиры будут отремонтированы. Более того, необходимые ремонтные работы потребовали бы временного переселения жителей. Отсюда возникал их правомерный вопрос: почему «во времена нового масштабного жилищного строительства» им приходилось терпеть такие огромные неудобства вместо того, чтобы просто сразу переселить их в новый дом?⁵ По существу, это дело, растянувшееся по меньшей мере на пять лет, демонстрирует печальную реальность в решении жилищного вопроса для многих жителей страны: в их сознании как послевоенное восстановительное строительство, так и строительная кампания 1950-х и 1960-х гг. не внесли существенных изменений в жилищные условия.

Пространные описания советскими гражданами конкретных условий, в которых приходилось выживать жителям старого жилого фонда, как правило, завершались требованиями создать нормальные условия жилья. Согласно профессиональным стандартам, именно «нормальное» жилье было предпосылкой «нормальной» жизни, то есть соответствия норм жилого помещения таким биологическим функциям человека, как принятие пищи, сон и нормальный отдых. В советском контексте такая оптимальная норма выразилась в 9 кв. м на человека⁶. Для среднего человека нормальность также означала соответствующие достойные бытовые условия — в сущности, противоположные тем, которые описывало большинство просителей.

Коммунальная квартира так и не оказалась местом, где смогла возникнуть нормальная жизнь. В просьбах о смене места проживания не содержится упоминания о том хорошем соседе, который стал бы частью семьи, или верным товарищем, на которого жильцы могли бы положиться в случае болезни или трудностей⁷. Проживание в коммунальной квартире не только не позволяло отдыхать, но и подрывало сами основы человеческого существования. Помимо неудобства стесненных жилищных условий, жильцам коммуналок приходилось терпеть самых разных соседей: монополизирующих места общего пользования, постоянно нарушающих покой громкой музыкой, пьянством и руганью.

Чувство безысходности из-за недостатка отдыха и постоянных неудобств было не единственным следствием коммунального проживания. Жизнь в ограниченном пространстве с родственниками или соседями, страдающими заразными заболеваниями, создавала постоянную угрозу для здоровья окружающих. Помимо общего благополучия, продолжающийся жилищный кризис ставил под угрозу и семейную жизнь; коммунальное проживание могло ее дестабилизировать. Поэтому неудивительно, что получение достойного жилья представлялось просителям необходимостью для нормальной семейной жизни. В некоторых случаях они обращались с просьбой о смене жилья в связи с рождением ребенка, замужеством или расторжением брака.

В других ситуациях помещения становились непригодными для жилья из-за военных разрушений и/или эвакуации⁸. Одна из просительниц, эвакуированная из Ленинграда в годы блокады, утверждала, что с тех пор как ее семья вернулась в город, ее жизнь была «хождением по мукам», так как их жилплощадь в их отсутствие была незаконно присвоена. Сначала она с семьей остановилась у знакомых. В конечном счете, они стали жить в подвале⁹. Для нее и спустя десятилетие после окончания войны жизнь продолжалась в непосредственно военном изменении¹⁰.

Вместе с тем, тема пережитой войны затрагивалась не только просителями, потерявшими свое жилье «из-за военных обстоятельств», но и теми, кто жил в тех же полуразрушенных зданиях, что и во время (а зачастую, и до) войны. Жильцы дома № 11 по переулку Ильича, например, открыто напоминали о блокаде в своем требовании к городским властям улучшить их условия жизни. Заблокированные мусором и отходами водопровод и канализация дословно создавали в жизни жильцов настоящую «блокаду». В письме они упоминали, что им пришлось «пережить вторую блокаду»¹¹. В следующем письме они рассказывали, как даже во время немецкой блокады Ленинграда водоснабжение было прервано только один раз — «зимой 1941–1942 гг.»¹²

Некоторые просители дошли до того, что взывали к пропаганде военного времени, которая обещала вознаградить всех, кто мужественно служил своей стране¹³. Например, в 1958 г. просительница писала, что хотя ее муж-фронтовик пожертвовал своим здоровьем во имя победы, он сам и его семья (в том числе двое детей) продолжали жить в самых отвратительных условиях¹⁴ — в комнате в 12 кв. м в военном бараке¹⁵. Семья бывшего фронтовика уже стояла на очереди для получения жилья для «остро» нуждающихся, но просительница требовала особого рассмотрения ее вопроса в связи с тем, что ее муж являлся «инвалидом первой группы». Таким образом, военная риторика продолжала быть востребованной и в послевоенное время.

В целом, заявления, в которых упоминалась война и обещания послевоенного благополучия, выражали уверенность, что именно это событие повлияет на решение жилищной проблемы и найдет отклик у строительных, правительственных и партийных чиновников, а также вызовет их сочувствие. Ведь темы прошлых военных трудностей и сегодняшнего прогресса тесно переплетались и в официальных текстах, посвященных теме жилищного строительства. Типичной в этом контексте является история о новоселье, появившаяся в «Вечернем Ленинграде»

в 1963 г. Герой Советского Союза Ф. Т. Дьяченко, участник обороны Ленинграда, получил квартиру в новом доме в Дачном. Вспоминая войну спустя почти два десятилетия после ее окончания, он говорил, что именно на этом месте умерли его лучшие друзья, отдав свои жизни городу, «чтобы после победы он был еще прекраснее»¹⁶. Статья, таким образом, предлагала идеализированную формулу «нормальной жизни» как метафорически, так и в ее материальном решении: переживший войну (лучше тот, кто служил Родине), плюс государственный патернализм (новая строительная политика) — равняется «светлое будущее».

Хочется надеяться, что автору удалось показать неразрывность практики нового строительства с осуществлением революционных обещаний в советской жизни. Это подтверждается не только работами о коммунистическом строительстве в области идеологии, но и огромным числом действительно построенного жилья. По некоторым западным оценкам, между 1956 и 1970 гг. более 126 млн советских граждан (более половины жителей страны) переехали в новые дома¹⁷.

О том, что строительная программа вселяла веру во власть, говорит энергия, с которой те тысячи советских граждан, кого не коснулось новоселье, обращались как к центральным, так и местным чиновникам¹⁸. Идеалы, на которые опирались граждане, ставя на жилищную политику, безусловно, были не обязательно (или подлинно) социалистическими. Более того, даже просители, которые явно поддерживали государство и пользовались в своих петициях публичными заявлениями о социалистическом прогрессе, не просто воспроизводили официальную версию действительности. Они скорее обвиняли правительство в том, что оно не выполняло своих обещаний.

Многочисленные детали, содержащиеся в жалобах на плохие жилищные условия — касались ли они нарушения предписанных норм, физического и психологического благополучия, семейного согласия или человеческого достоинства — ставили под вопрос саму картину комфортной и мирной жизни советского общества. При чтении этих документов подвергалась сомнению сама идея «светлого будущего», якобы материализующегося в повседневной жизни благодаря строительному буму «оттепели». Однако послевоенная жизнь советских людей оправдала не все их ожидания¹⁹.

В то же время, даже описывая неизменность своих «ненормальных» бытовых условий, просители подтверждали важность мероприятий 1950-х и 1960-х гг. для разрешения жилищного кризиса и создания приемлемых условий существования. Интересным остается тот факт, что хрущевская строительная политика объединила усилия отдельных граждан и государства в улучшении жизни обычного советского гражданина как индивидуума, тем самым дав ему возможность жить в покое, радоваться семейной жизни и чувствовать себя человеком

---

¹ Об идее «нормальности» в Советском Союзе как определяющей настоящий, существующий социализм, говорит Наталия Лебина, которая в своем исследовании 1920-х и 1930-х гг. доказывает, что отрицательные реалии совет-

ской повседневной жизни, в том числе и недостаток приличного жилья, понимались как не соответствующие социализму. См.: *Лебина Н. Б.* Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы // Нева. СПб., 1999.

² См.: *Меерович М. Г.* Квадратные метры, определяющие сознание. Государственная жилищная политика в СССР, 1921–1941 гг. Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2005.

³ Праздник строителей // Вечерний Ленинград. 1957. 10 августа.

⁴ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. 7384. Оп. 37а. Д. 48. Л. 161–163.

⁵ Подчеркнуто в оригинале, очевидно, подписавшимися, а затем — красным карандашом, получателями. ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 37а. Д. 48. Л. 157.

⁶ Размер жилой площади в Ленинграде *per capita* упал с 8,73 кв. м в 1926 г. до 5,18 в 1956 г.; в том же году данный показатель для Советского Союза в целом составил лишь 4,85 кв. м. См.: *Sosnovy T.* The Soviet Housing Situation Today // *Soviet Studies*. Vol. XI. 1959. N 1. July. С. 4–6.

⁷ Так, В. И. Воротников вспоминает, что, в то время как он был «счастлив» наконец уехать из рабочего барака и переехать в квартиру, его матери не хотелось оставлять соседей, с которыми она «чудесно» прожила семь лет. Как признает Воротников: «Мы жили бедно, но дружно, помогая друг другу, как могли, вместе встречая тяготы жизни в мрачные годы войны и послевоенные годы» // Цит. по: *Воротников В. И.* Такое вот поколение... М., 1999. С. 131. — Подобные истории объясняют ностальгию по коммунальной жизни, очевидную уже в 1950-е и 1960-е гг., и также показывают, насколько важную роль играла коммуналка, давая жильцам (особенно старшего поколения и немощным) чувство защищенности. К таким же выводам пришла Дебора Энн Филд, основываясь на подобных мемуарных материалах, а также архивных сведениях. См.: *Field D. A.* Private Life and Communist Morality in Khrushchev's Russia. N. Y., 2007. P. 35–36.

⁸ Проблемы и запутанные процедуры, связанные с определением права на жилплощадь эвакуированных в военное время и возвращении им места проживания после Второй мировой войны, описаны в работах Дональда Дж. Лейтча и Ребекки Мэнли: *Leitch D. G.* Soviet Housing Administration and the Wartime Evacuation // *The American Slavic and East European Review*. Vol. IX. 1950. N. 3. October. P. 180–190; *Manley R.* Where Should We Resettle the Comrades Next? The Adjudication of Housing Claims and the Construction of the Post-War Order // *Late Stalinist Russia: Society between Reconstruction and Reinvention* /Ed. by Juliane Fürst. London; N. Y., 2006. P. 233–246.

⁹ ЦГА СПб. Ф. 9803. Оп. 1. Д. 87. Л. 75.

¹⁰ Краткий обзор общего материального состояния сразу после войны см.: *Filtzer D.* Standard of Living versus Quality of Life: Struggling with the Urban Environment in Russia during the Early Years of Post-War Reconstruction // *Late Stalinist Russia*. P. 81–102.

¹¹ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 37. Д. 2065. Л. 391.

¹² Там же. Л. 382.

¹³ О военной пропаганде см.: *Kirschenbaum L. A.* Our City, Our Hearths, Our Families: Local Loyalties and Private Life in the Soviet World War II Propaganda // *Slavic Review*. Vol. 59. 2000. № 4. Winter. P. 825–847.

¹⁴ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 37 а. Д. 46. Л. 61.

¹⁵ Там же. Л. 61, 63.

¹⁶ *Володин А.* Дом на оборонной // Вечерний Ленинград. 1963. 25 февраля.

¹⁷ *Morton H. W.* What have Soviet Leaders Done About the Housing Crisis? // *Soviet Politics and Society in the 1970s* / Henry W. Morton and Rudolf L. Tokes, eds. N. Y., 1974, P. 163. — Точное указанное число: 126,5 млн.

¹⁸ Несмотря на то, что в ЦГА СПб было обнаружено несколько сотен дел, относящихся к жилищному строительству, в количественном отношении таких писем гораздо больше. В качестве примера можно привести отчет исполнительного комитета Ленинградского городского совета, согласно которому в 1959 г. им было получено 53 007 жа-

лоб и письменных обращений, из которых 65 % касались жилищного вопроса. См.: ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 37а. Д. 8. Л. 1, 8. — Переписка по жилищному вопросу, не сохранившаяся в данном фонде, могла оказаться разбросанной по другим архивам, например, газетным, архивам предприятий, архивам центральных государственных и партийных органов; от некоторой ее части могли избавиться.

¹⁹ См., соответственно: *Зубкова Е.* Россия после войны: надежды, иллюзии и разочарования. 1945–1957 / Пер. и ред. Хью Рагсдейл. Armonk, N.Y., 1998. С. 102; *Fitzpatrick S.* Postwar Soviet Society: The «Return to Normalcy», 1945–1953, *The Impact of World War II on the Soviet Union* / Ed. By Susan J. Linz. Totowa, N. J., 1985). P. 150–152. — Е. Зубкова считает этой «границей» 1948 г. К этому году карточная система была отменена, промышленное производство восстановлено на довоенном уровне, а демобилизация завершена.